

Гностики Мардонъ и Маркионъ.¹⁾

Среди гностиковъ Маркионъ болѣе всѣхъ былъ убѣжденъ въ возможности полнаго примиренія и соединенія гностическихъ принциповъ съ „истиннымъ“ христіанствомъ; онъ далъ образецъ такого примирительнаго ученія и энергично заботился о проведеніи его въ жизнь. Отсюда объясняются всѣ особенности и гностической дѣятельности Маркиона. Онъ беретъ гностицизмъ въ общихъ положеніяхъ его восточной схемы, рѣшительно не заботясь внести въ него что либо новое, даже не интересуясь подробностями его. Центр тяжести его предпріятія лежалъ въ другомъ—въ практическомъ причоженіи мистическихъ началъ гностицизма къ жизни, при посредствѣ христіанской религіи. Однако христіанство историческое никакъ нельзя было соединить съ гностицизмомъ. Отсюда потребовалось Маркиону „реформировать“ христіанство въ духѣ гностицизма. Такимъ путемъ думалъ Маркионъ найти единственно истинную и универсальную религію, которая должна была стать на мѣсто христіанства. Въ виду этого онъ не уноситъ отъ массъ своей религіи въ „школы“; нѣтъ, онъ основываетъ „церкви“, которыя должны собою замѣнить христіанскія церкви и дать спасеніе человѣческимъ душамъ.

Итакъ, Маркионъ выступилъ не какъ новаторъ, проповѣдникъ новаго ученія, а какъ реформаторъ, исправляющій уже данное ученіе. По свидѣтельству Тертулліана²⁾, маркиониты утверждали, что „Маркионъ своимъ раздѣленіемъ закона и евангелія не столько ввелъ новаго въ ученіе вѣры, сколько (опять) возстановилъ искаженное ученіе“. Дальше есте-

¹⁾ См Труды Императ. Киевск. дух. Акад. май 1915 г.

²⁾ *Adversus Marcionem* I, 20 (Migne, II, с. 263): „Atque enim Marcionem non tam innovasse regulam separationem Legis et Evangelii, quam retro adulteratam recurasse.“

ственно вопросъ: отъ какихъ искаженій нужно было освободить христіанское ученіе? и на какомъ основаніи, во имя какого критерія это можно было сдѣлать? Отвѣтъ на эти вопросы у Маркіона можно найти искренній, но не основательный. Маркіонъ былъ убѣжденъ, что къ христіанству примѣшался іуданизмъ. Маркіониты говорили, что „самъ Петръ и прочіе столпы апостольства—подверглись порицанію со стороны Павла за то, что не прямымъ путемъ подходили къ истинѣ евангелія,—со стороны того, конечно, Павла, который, будучи еще не увѣреннымъ въ благодати и боясь, не напрасно ли онъ подвизался и подвизается, тогда впервые совѣщался съ предшествующими ему апостолами“¹⁾ Но если, по Маркіону, и ап. Петръ и прочіе „столпы апостольства“ были заражены іуданизмомъ, то у кого же или гдѣ же Маркіонъ имѣлъ чистое церковное ученіе,—въ какихъ церковно-историческихъ памятникахъ, на основаніи которыхъ можно было бы доказать искаженіе и сдѣлать необходимое исправленіе? Тертуліанъ спрашиваетъ Маркіона: „если эти (т. е. церкви апостол. происхожденія) были повреждены съ самаго начала, то какія же остались не поврежденными?“²⁾ Въ полной противоположности другимъ гностикамъ, обычно допускавшимъ обманъ, а вмѣстѣ быть можетъ и самообманъ, Маркіонъ не ссылался ни на какія „тайственные ученія“, полученные будто бы имъ отъ апостоловъ, или ихъ учениковъ,—не измышлялъ никакихъ пророчествъ и не имѣлъ никакихъ пророковъ. Онъ въ сущности располагалъ тѣми же свящ. памятниками какія были и въ церкви, такъ что ино-

¹⁾ Adver. Marcion. I, XX: „Nam et ipsum Petrum, caeterosque, columnas Apostolatus, a Paulo reprehensos (Гал. II) opponunt, quod non recto pede incederent ad Evangelii veritatem; ab illo certe Paulo, qui adhuc in gratia rudis, trepidans denique ne in vacuum cucurrisset aut curreret, tunc primum cum antecessoribus apostolis conferebat“. Ср. IV, 3. Въ толкованіи на посл. Гал. II, 7—9 блаж. Іеронимъ (слѣд. и Оригенъ) старается въ подробныхъ разсужденіяхъ показать, что въ данномъ мѣстѣ законъ и евангеліе отнюдь не выступаютъ, какъ противоположныя начала. См. Migne Patrologiae cursus. S. XXVI. Ser. gr. ec. 336—337.

²⁾ Adver. Marc. I, XXI: „Aut si haec erunt a primordio corruptae, quae erunt integrae?“

го какого либо критерія для распознаванія и оцѣнки христіанства не имѣтъ. Но стоя на одной и той же почвѣ, почему же Маркіонъ не слѣдуетъ ученію церкви? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ Маркіонъ могъ сослаться только на „здравый смыслъ“, „путеводитель рѣдко вѣрный и почти всегда недостаточный“, и, какъ мы видѣли, на историческіе факты, понятые по своему. Непосредственное чтеніе свящ. Писанія должно убѣдить въ искаженіи христіанскаго ученія іудействомъ въ самое раннее время. Если поставить новый вопрѣсъ: почему же представители церкви не замѣчаютъ этого?— то въ духѣ Маркіона былъ бы такой отвѣтъ. Во 1-хъ, въ церкви много христіанъ изъ іудеевъ, естественно привнесшихъ старыя вѣрованія въ новое ученіе; даже сами апостолы придерживались іудейскихъ вѣрованій ¹⁾. Во 2-хъ, учителя церкви допускаютъ *аллегоризмъ*, при помощи котораго перетолковываютъ ветхій завѣтъ въ христіанскомъ смыслѣ ²⁾.— Единственнымъ лицомъ въ первенствующей церкви, вѣрно понявшимъ христіанское ученіе является, какъ мы видѣли, по убѣжденію Маркіона, ап. Павелъ. Но не во всѣхъ посланіяхъ, выдаваемыхъ за Павловы, содержится чистое ученіе его: нѣкоторыя посланія подложны, другія подверглись интерполяціи. Среди евангелій сравнительно болѣе чистое ученіе сохранилось въ еван. Луки; но и оно интерполировано „покровителями“ іудейства ³⁾. И Маркіонъ потратилъ много времени чтобы возстановить истинное „евангеліе“ и „апостоль“ ⁴⁾.

Если мы, по указанію Маркіона, будемъ внимательно читать ветхозавѣтныя писанія и не искаженныя новозавѣтныя, особенно посл. къ Галатамъ, то будто бы придемъ къ сознанію

¹⁾ Ср. Ирм. III, 12, 12

²⁾ *Tertullianus*, Adv. Marcionem. II, 19, 21—22; III, 5, 6, 14, 19; IV, 15, 50; Оригенъ, Толкованіе на МѠ. XV, 3 (φίσιμον μὴ εἶναι ἀλλήγορεῖν γράφου), на посл. Римл. IV. Dialog. Adamantius. Bakhuyzen. I, p. 14—15, 42—43.

³⁾ *Tertullianus*, Adv. Marcion. IV, 4, 5.

⁴⁾ *Ирмией*. Противъ ересей. I, XXVII, 2; *Tertullianus*. Adv. Mar. IV—V; *Епифаній*. Ересь, 42, 9...

полной противоположности закона и евангелія („inter Legem et Evangelium“¹⁾). У Маркіона было важнѣйшее сочиненіе, какъ бы приданое вѣры, называвшееся Антитезы, которое доказывало необходимость раздѣленія и противоположенія Закона и Евангелія²⁾. Эта „противоположность закона и евангелія“ что тоже—іудейства и христіанства³⁾—основная, исходная точка у Маркіона. Изъ противоположности закона и евангелія, іудейства и христіанства Маркіонъ выводилъ различіе боговъ ветхаго и новаго завѣта (*diversitas deorum*). „Вслѣдствіе этого (т. е. противоположенія Закона и Евангелія) раздѣляетъ, говоритъ Тертуліанъ⁴⁾, двухъ боговъ, также различныхъ“—бога ветхаго и новаго завѣта. „Вообще мы увѣрены, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Тертуліанъ⁵⁾, что Маркіонъ признаетъ двухъ различныхъ боговъ; одинъ—судья, тиранъ, сильный въ войнѣ, другой же—кротокъ, ласковъ и весьма добръ, даже чрезвычайно“. Особенно два приточныхъ мѣста изъ евангелія Луки—о старой одеждѣ, къ которой неразумно приставлять новую заплату (V, 36), и невозможности произвести худому дереву добрый плодъ и наоборотъ (VI, 43)—убѣдили Маркіона въ противоположности двухъ завѣтовъ и боговъ. Первый текстъ, казалось, устанавливалъ абсолютную новизну евангелія, второй высоту,

¹⁾ Adv. Marcionem. I, 19: Separatio Legis et Evangelii, proprium et principale opus est Marcionis. IV, c. 6: „Inter hos (т. е. Меccіей, Христомъ, явившимся во дни Тиверія, и іудейскимъ Меccіей) magnam et omnem differentiam scindit, quantam inter justum et bonum, quantam inter Legem et Evangelium, quantam inter judaismum et christianismum“.

²⁾ Adv. Marcionem. IV, c. 1: „Et ut fidem instrueret, dotem quandam commentatus est illi, opus ex contrarietatum oppositionibus, *Antitheses* cognominatum, et ad separationem Legis et Evangelii coactam qua duos Deos dividens, proinde diversos, alterum alterius instrumenti, vel quod magis usui est dicere) Testamenti“.

³⁾ Adv. Marc. IV, 6—см. примѣч. 1-е.

⁴⁾ Adv. Marc. I, 19, IV, 6, см. примѣч. 4 е.

⁵⁾ Adv. Marc. I, 6: „Alioquin certi (sc. sumus) Marcionem disparem deos constituere, alterum judicem, ferum, belli potentem; alterum mitem, placidum, et tantum modo bonum atque optimum“. См. св. Ириней. Противъ ерес. I, XXVII, 2.

превосходство Бога, Отца І. Христа, надъ богомъ ветхаго завіта. „Чѣмъ крѣпче онъ вообразилъ себѣ, замѣчаетъ Тертуліанъ¹⁾, что Богъ есть виновникъ зла и на основаніи другихъ аргументовъ, которые убѣждаютъ въ этомъ всякаго развращеннаго; тѣмъ рѣшительнѣе онъ относитъ худое дерево, приносящее худые плоды, то есть, зло къ Творцу (Деміургу), и потому предполагалъ, что долженъ быть другой богъ для роли добраго дерева съ добрыми плодами. Когда онъ напелъ во Христѣ, такъ сказать, другой планъ спасенія, планъ единой и чистой благодати, которой чужды Творецъ; то онъ легко пришелъ къ тому заключенію, что новое и чужое божество открылось во Христѣ его (*novam et hospitam argumentatus est divinitatem in Christo suo revelatam*)²⁾. Но это еще не значитъ, чтобы его не было ранѣе. Богъ, открытый Христомъ, новъ только относительно своего познанія (*ipsam novitatis cognitionem*)³⁾. На самомъ же дѣлѣ онъ древнѣй богъ. „Нашъ богъ открылся во Христѣ, говорятъ маркіониты⁴⁾, хотя не съ самаго начала, хотя не чрезъ творенія, но чрезъ себя самого“. Для нашего бога, кричатъ маркіониты, достаточно одного только дѣла, именно того, что онъ спасъ человѣка по своей величайшей и необыкновенной благодати, которую должно предпочитать всѣмъ стрекозамъ⁵⁾. —Кромѣ бога ветхаго и новаго завіта, т. е. кромѣ деміурга и благого бога, существуетъ, по ученію Маркіона⁶⁾, „матерія — не рожденная, не сотворенная, современная Богу

¹⁾ Противъ Маркіона, I, 2; русскій переводъ Н. Н. Щеглова. См. *Carmena*, или *poemata adversus Marcionem*. L. I, с. 4, 5, 7, L. V, 2 гл.

²⁾ *Adver. Marc. I, 9.*

³⁾ *Adver. Marcion, I, 19: „Imo, iniquant Marcionitae, Deus noster etsi non ab initio, etsi non conditionem, sed per semet ipsum revelatus est in Christo Jesu“.*

⁴⁾ *Adv. Marc. I, 17: „Sufficit unicum hoc opus Deo nostro, quod hominem liberavit summa et praecipua bonitate sua, et omnibus locustis anteposenda“.*

⁵⁾ *Adver. Marc. I, 15.*

(=вѣчная)“. Вѣчная, современная Богу (*innata, et infecta, et contemporali Deo... et aeterna*), не рожденная, не созданная матерія есть въ сущности также богъ,—слѣд. уже третій въ ученіи Маркіона. Съ сокрушительной силою діалектической мысли Тертуліанъ¹⁾ показываетъ всю несостоятельность Маркіонова ученія о богахъ, насчитывая ихъ у него до 9-ти, т. е. приводя его (ученіе) *ad absurdum*.

Гностическими предпосылками Маркіонъ не занимался; къ метафизическимъ проблемамъ онъ былъ равнодушенъ. У него нѣтъ разсужденій объ эманацияхъ, эонахъ и деміургахъ. Его духу и ближайшей задачѣ болѣе соотвѣтствовало оперировать надъ христіанскими понятіями, и то -- болѣе сотериологическими. Поэтому большое вниманіе Маркіонъ удѣляетъ въ своей системѣ личности І. Христа и дѣлу совершеннаго Имъ искупленія. Возвращенія Маркіона на личность І. Христа отличаются строгимъ докетизмомъ. „Маркіонъ, пишетъ Тертуліанъ²⁾, чтобы отвергнуть плоть Христа, отрицаетъ даже рожденіе; или чтобы отвергнуть рожденіе, отрицаетъ и плоть; разумѣется—для того, чтобы рожденіе и плоть не соотвѣтствовали взаимно и не давали другъ другу доказательства, потому ни рожденія не бываетъ безъ плоти, ни плоти безъ рожденія... Но и кто представляетъ плоть Христа вообразимою (*putativam*), также могъ выдумывать призрачное рожденіе, такъ что и зачатіе, и беременность, и рожденіе дѣвы и, наконецъ, теченіе самаго дѣтства казались призрачными (*то δοκεῖν*)“.—Строго докетическое представленіе Маркіона объ І. Христѣ стоитъ въ неразрывной связи съ его раздѣленіемъ двухъ боговъ. І. Христось, какъ сынъ

¹⁾ *Ibidem*. I, 5.

²⁾ *De carne Christi*, I, ср. II. *Св. Иринея* говоритъ о Маркіонѣ (I, XXVII, 2): „оно искажалъ евангеліе Луки, устраняя все, что написано о рождествѣ Господа, и многое изъ ученія и рѣчей Господа, въ которыхъ Господь представляется весьма ясно исповѣдающимся, что Творецъ этого міра есть Его Отецъ“. См. *Епифаній*. Ерес. 42, 9.

благого бога, не можетъ имѣть ничего общаго съ деміургомъ и ничего заимствовать у него. Если же считаютъ, что ветхій завѣтъ, когда господствовалъ деміургъ, предсказывалъ о Христѣ, то это ошибка. Возьмемъ, напр., пророчества Исаи VII, 14—будто о Христѣ; на самомъ дѣлѣ оно не имѣетъ отношенія ко Христу, ибо Христосъ никогда не назывался Иммануиломъ, равнымъ образомъ неприменимо къ Нему и Исаи VIII, 4—о богатствахъ Дамаска и добычѣ Самаріи¹⁾. Маркіонъ, отвергавшій всякій аллегоризмъ, бралъ во вниманіе лишь вербальный смыслъ пророчествъ и, перенося ихъ на время явленія Христа, Маркіонъ не находилъ никакого соответствія. Однако Маркіонъ допускалъ, что ветхій завѣтъ ждалъ своего Мессію, какъ сына деміурга. Но между этими двумя мессіями такое же различіе, какъ между закономъ и евангеліемъ, іудействомъ и христіанствомъ²⁾. Спаситель, сынъ благого бога, внезапно явился съ неба творца, куда онъ сошелъ ранѣе, въ 15 годъ царствованія Тиверія, въ Галилеѣ, въ Капернаумѣ³⁾. I. Христосъ снизошелъ, чтобы освободить людей изъ-подъ власти творца. „Единственнаго дѣла, говорили маркіониты, достаточно для нашего бога, чтобы освободить человека своею величайшею и чрезвычайною благодію“⁴⁾. Дѣятельность Мессіи изображается по противоположности къ дѣлу деміурга. Послѣдній падаетъ и награждаетъ только праведныхъ; I. Христосъ призываетъ къ себѣ мытарей и грѣшниковъ, труждающихся и обремененныхъ. По закону проказа оскверняетъ, Христосъ же касаетъ-

1) Adver. Marc. III, 12: „Provocata nunc, ut soles, ad hanc Esaiiae comparationem Christi, contendens illam in nullo convenire. Primo enim, inquis, Christus Esaiiae (VII, 14) Emmanuel vocari habebit; dehinc virtutem sumere Damasci et spolia Samariae adversum regem Assyriorum. Porro (Is. VIII, 4) iste que venit neque sub ejusmodi nomine est editus, neque ulla re bellica functus est“.. См. также с. 14, 15.

2) Adv. Marc. IV, 6.

3) Adv. Marc. IV, 7, ср. I, 19

4) Adv. Marc. I, 17.

ся пораженныхъ этою болѣзною. Елисей исцѣляетъ Неемана водою; Христосъ исцѣлилъ многихъ чрезъ одно слово... Елисей молится демиургу жестоко наказатъ мальчиковъ, назвавшихъ его плѣшивымъ; въ евангеліи І. Христосъ выражаетъ нѣжную любовь къ дѣтямъ¹⁾ и т. д.

По поводу ученія Маркіона объ искупленіи Де-Файе²⁾, саркастически замѣчаетъ: „Какъ наивна (singerie) концепція искупленія у человѣка, выдававшего себя за ап. Павла“!

Нравственно-практическое ученіе Маркіона было въ тѣсной связи съ теоретическимъ ученіемъ его. І. Христосъ принесъ царство благодти вмѣсто космическаго царства демиурга. Люди должны стремиться войти въ это царство невѣдомаго дотоли благого бога, отца І. Христа, а для этого необходимо освободиться отъ власти демиурга и узъ плоти. Приближеніе къ божеству необходимо требуетъ полнаго отреченія отъ какой бы то ни было связи съ матеріей. Здѣсь основа для отрицанія брака и проповѣди строгаго аскетизма³⁾.

Въ такой квалификаціи нравственнаго ученія Маркіона, какъ строгаго аскетическаго, согласны между собою—Тертуліанъ⁴⁾, Климентъ Ал.⁵⁾ и Ипполитъ⁶⁾.

Такимъ образомъ видимъ, вся доктрина Маркіона сосредоточивалась на ученіи о Богѣ, о личности І. Христа, объ искупленіи и строгой морали.

Изложенное ученіе Маркіона даетъ поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ отрицать принадлежность Маркіона „къ гностикамъ въ строгомъ смыслѣ слова“. А. Ганъ (Hahn) пер-

¹⁾ Adv. Marc. III, 15, особ. 2-я полов.; ср. 16... IV, 23

²⁾ De-Faye. Gnostiques et Gnosticisme, p. 141.

³⁾ Ср. Marc. IV, 34, 17, 29, 38; V, 7—8, 15, 18; I, 27, 29; ср. Елифаній—ср. 42, 3.

⁴⁾ Adv. Marc. I, 27—29 и др. IV, 34; ср. IV, 17, 29, 38; V, 7, 8, 15, 18.

⁵⁾ Stromata III, ш. 12, 13, 21, 22; IV, 25.

⁶⁾ Refutatio, VII, 30. По Епифанію (42, 3), Маркіонъ при евхаристіи употреблялъ одну только воду, проповѣдывалъ дѣвство и постъ въ субботу.

они поставилъ (въ 20-хъ годахъ XIX в) вопросъ¹⁾ о томъ, можно ли относить Маркіона къ гностикамъ. Значительное время спустя даннымъ вопросомъ заинтересовался А. Гарнакъ и далъ на него отрицательный отвѣтъ—сначала рѣшительный²⁾, а потомъ нѣсколько уклончивый³⁾ Формулировка вопроса въ последнемъ смыслѣ и обоснованный отвѣтъ на него мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Гарнака *Lehrbuch der Dogmengeschichte*. Онъ говоритъ, что 1) Маркіономъ руководилъ не какой н. спекулятивно-научный интересъ (также и не апологетическій), но сотериологическій, 2) поэтому онъ придавалъ всю важность вѣрѣ (а не гнозису), 3) вслѣдствіе этого для изложенія своихъ воззрѣній онъ не пользовался ни элементами семитическихъ тайныхъ культовъ, ни прибѣгалъ къ методу греческой религиозной философіи (разумѣется, глав. обр., аллегоризмъ), 4) для него было чуждо различіе между эсотерическою и экзотерическою формою религіи. Маркіонъ былъ въ сущности *религиозный* характеръ; онъ стремился основать не школу для гностиковъ или мистическій культъ для ищущихъ посвященій, а реформировать христіанство, а когда это ему не удалось, онъ началъ основывать „церкви“⁴⁾ Однако Гарнакъ не можетъ отрицать у Маркіона нѣкоторыхъ гностическихъ элементовъ, напр., въ указаніи имъ „эгипетскихъ противоположностей“, но онъ отъзывается ему въ „систематической спекуляціи о послѣднихъ причинахъ констатированной противоположности“ При чемъ, и этотъ незначительный „гностическій налетъ (*Ein-schlag*)“, который „можно узнать и ясно отличить“ — нужно

¹⁾ *A. Hahn. De gnosi Marc. antin., Regiom. 1820—25*

²⁾ „*Marcion perperam gnosticus vocatur*“. *De Apellis gnosi monarchica. Lipsiae. 1874.* Ср *Zur Quellenkritik. S 15—16; см. выше стр 249—250.*

³⁾ *Lehrbuch der Dogmengeschichte B I. 4 Aufl (1909), на стр. 192,* говоритъ лишь о непринадлежности Маркіона къ гностикамъ „въ строгомъ смыслѣ слова“.

⁴⁾ *Lehrbuch S 292*

отнести на счет влияния на Маркиона въ Римѣ сирійскаго гностика Кердона¹⁾.—Этимъ разсужденіямъ Гарнака придаеть чрезвычайно большое значеніе такой серьезный изслѣдователь гностицизма, какъ Де Фауе. Онъ прямо говоритъ, что Гарнакъ „открылъ намъ Маркиона“, и самъ исповѣдуется въ полномъ согласіи съ нимъ²⁾.

Конечно, нужно признать, какъ уже замѣчено ранѣе, Маркионъ занимаетъ среди гностиковъ своеобразное положеніе. Въ философско-религіозно-мистическомъ ученіи гностиковъ, сотканномъ изъ элементовъ языческихъ, іудейскихъ и христіанскихъ, онъ обратилъ преимущественное вниманіе на христіанскіе пункты и развивалъ ихъ въ религіозно-практическомъ направленіи. Однако, затруднятся относить его „къ гностикамъ въ строгомъ смыслѣ слова“, а тѣмъ болѣе считать его „по ошибкѣ“ (*perperam*) названнымъ гностикомъ—рѣшительно не основательно. Вѣдь Маркиона отнюдь нельзя причислить къ тѣмъ ижеучителямъ, которые появились внутри христіанской церкви, неправильно понявши, извративши ученіе ея. Де Фауе, впрочемъ, пытается вывести маркионизмъ изъ христіанскаго ученія. Такъ, по его мнѣнію, „дуализмъ Маркиона... внушенъ просто чрезъ изученіе вѣтхаго завѣта“; будто бы изъ свидѣтельствъ Тертулліана ясно слѣдуетъ, что извѣстныя „рефлекси, которыя внушило ему изученіе христіанскихъ книгъ,... составляютъ точку отправленія ереси Маркиона“; даже ученіе о деміургѣ или творцѣ заимствовано изъ библии³⁾. Однако возвести на библию все ученіе Маркиона де-Фауе не рѣшается. Его „манера называть творца, критиковать его и твореніе... не могли выйтъ изъ простаго изученія библии. Черта, которую мы открыли—замѣчаетъ де-Фауе, изъясняется почти только чрезъ чужестранныя влияния“⁴⁾.

¹⁾ Ibidem S. 295, 293, anni.

²⁾ Gnostiques et Gnosticisme, p. 121, 129.

³⁾ Gnostiques et Gnosticisme, p. 134, 136, 137.

⁴⁾ Ibidem. p. 137.

На самомъ дѣлѣ не въ критикѣ только творца и его творенія проглядываютъ въ системѣ Маркіона „чужеземныя вліянія“, но и во многихъ другихъ пунктахъ. *Св. Иринея* ¹⁾ напр. находить возможнымъ приписать Маркіону гностическую *πύφρα*. Изъ библии Маркіонъ никакъ не могъ вывести представленія о „матеріи, нерожденной, несотворенной, современной Богу... и вѣчной (*materia.. innata et infecta et contemporali Deo... et aeterna*)“, т. е. что и „*матерія есть Богъ*“ ²⁾, и изъ нея созданъ міръ. На библии же не могъ основываться и дуализмъ Маркіона, который приписывается ему древними ересеологами ³⁾. Деміургъ есть для Маркіона хотя и богъ ⁴⁾, но богъ *πονηρός*, *malorum factor* ⁵⁾, въ противоположность другому богу, какъ *богу свѣта* (*deus luminis*), дружбы, онъ есть *богъ мрака* (*d. tenebrarum*) ⁶⁾, *veixos* или *discordia* ⁷⁾. Этотъ деміургъ создалъ

¹⁾ Противъ Ерес. II, 1, 2, 3 и 4.

²⁾ *Tertullianus*. *Adversus Marcionem*. L. I, c. XV. „*Et materia enim Deus, secundum formam divinitatis, innata scilicet et infecta, et aeterna*“. Ср. *Hippolytus*. *Refutatio*. X, 19.. „*materia*“, *ὄλη*“.

³⁾ Въ виду того, что Маркіонъ даетъ мѣсто въ своей системѣ *ὄλη*, матеріи, и называетъ ее богомъ, и въ виду неустойчивой классификаціи деміурга—то *δίκαιος*, то *πονηρός* (у Ипполита X, 19, который называетъ ранѣе VII, 31 подобное ученіе—*Ἡ μὲν οὖν πρῶτη καὶ καθαρῶτατη Μαρκίωνος ἱρρα*), мы не можемъ согласиться съ *W. Bousset* (*Hauptprobleme der Gnosis*, S. 109), что „Маркіонъ, вѣрно понявъ, переноситъ абсолютный дуализмъ на восточно-персидскій дуализмъ и противоположность благого и злого бога на противоположность между высочайшимъ неизвѣстнымъ богомъ отцомъ I. Христа и между богомъ ветхаго завета“. Вѣроятно, ближе къ истинѣ выводъ *W. Moller'a* (*Geschichte der Kosmologie*. S. 376), что по Маркіону деміургъ не есть „абсолютно злой принципъ, равнымъ образомъ не здѣсь—не между благимъ богомъ и деміургомъ—„абсолютный дуализмъ“. Но положительно рѣшить вопросъ—гдѣ же „*πρῶτη καὶ καθαρῶτατη Μ. ἱρρα*“ и гдѣ „абсолютный дуализмъ“ полагалъ самъ Маркіонъ—нѣтъ возможности. Ср. *Lipsius*, *Zur Quellenkritik d. Epiphanius*. S. 198..

⁴⁾ *Tertullianus*. *Ad Marcionem*. IV, XXXI: „*negat enim Marcion mo veri Deum suum*“.

⁵⁾ *S. Irenaeus*. *Contra haereses*, I, c. XXVII, 2.

⁶⁾ *Tertullianus*. L. IV, c. I.

⁷⁾ По Ипполиту (*Refutatio*. VII, 29), Маркіонъ есть ученикъ не Христа, но Эмпедокла, который училъ также о двухъ началахъ вселен-

злой міръ и челоуѣка и господствовалъ надъ нимъ извѣстное время. Поэтому неизвѣстный богъ могъ придти въ извѣстность только „когда наступилъ роковой часъ“. „Можетъ быть, иронизируетъ Тертуліанъ, ему мѣшаль анабазонъ, или какія либо чародѣйки, или квадратный Сатурнъ или треугольный Марсъ. Ибо маркіониты, прибавляетъ Тертуліанъ, по большей части астрологи и не стыдятся руководиться въ жизни звѣздами творца“¹⁾. Значить, по Маркіону, космическій періодъ деміурга со всѣми его неустройствами и бѣдствіями долженъ былъ предшествовать, какъ нѣчто неизбѣжное и роковое—сотеріологической дѣятельности благого бога. Для этого благой богъ „черезъ самого себя открылся во І. Христѣ“²⁾. Представленіе объ І. Христѣ, какъ указано выше, было чисто и строго *докетическое*... Нравственное ученіе Маркіона—его крайній аскетизмъ и въ частности запрещеніе брака Климентъ Алекс.³⁾ ставитъ въ зависимость отъ ученія Платона и пнеагорейцевъ. Тертуліанъ⁴⁾ приписываетъ Маркіону усердіе въ изученіи стоицизма (*stoicæ studiosus*), а Ипполитъ—подражаніе киникамъ⁵⁾.—Конечно, нужно согласиться съ Цаномъ⁶⁾, что слово „γυβλις“ „было для Маркіона рѣшительно не характерно“. Однако, ему не чужды были кругъ тѣхъ представленій, гдѣ это понятіе примѣнялось у гностиковъ. Спасеніе приписывается у Маркіона высочайшему богу, и оно простирается лишь на

вой—*νείκος* или *discordia*—и *φιλία* или *amicicia*. Слѣд. Ипполитъ хочетъ поставить ученіе Маркіона въ параллель съ ученіемъ Эмпедокла.

¹⁾ *Tertullianus*. L. I, c. XVIII: „quando hora fatalis advenit. Fortasse enim anabibazon ei obstabat, aut aliquae maleficae, aut Saturnus quadratus, aut Mars trigonus. Nam et mathematici plurimum Marcionitae, nec hoc erubescens, de ipsis etiam stellis vivere Creatoris“.

²⁾ *Tertullianus*. L. I, c. XIX.

³⁾ Строматы. III, 3, 4.

⁴⁾ *Liber de praescriptionibus*... c. XXX, cp. VII.

⁵⁾ *Hippolytus*. *Refutatio*. X, 19.

⁶⁾ *Th. Zahn*. *Einleitung in das neue Testament*. B. I. S. 489, ann. 18.

духъ человѣка, тѣбра. Маркіонъ учить о *spiritus salutaris* ¹⁾ и невозможности воскреснуть плоти ²⁾. Значить, гностическое пневматическое спасеніе (у Маркіона „σωτηρία τῶν ψυχῶν“) имѣеть мѣсто у Маркіона ³⁾.

Вотъ элементы въ ученіи Маркіона, которые никакъ не могутъ быть выведены изъ библіи и которые несомнѣнно почерпнуты въ мутныхъ потокахъ синкретическихъ теченій. Конечно, изъ указанныхъ элементовъ нельзя создать системы Валентина или Василида (по Ипполиту), въ которыхъ Гарнакъ склоненъ видѣть схемы самаго настоящаго гностицизма. Объ эонахъ у Маркіона не упоминается; строгое различіе между пистиками и гностиками не проводится. Но, во 1-хъ, не въ этихъ подробностяхъ заключается суть гностицизма; во-вторыхъ, никогда не нужно забывать, что до насъ не дошло ни одного болѣе или менѣе обстоятельнаго изложенія системы Маркіона. У отцовъ и писателей древней церкви Маркіонъ возбуждалъ какую то особую ненависть къ себѣ; впагать его ученіе какъ бы не доставало терпѣнія; неудержимо хотѣлось порицать его и порицать. Поэтому утверждать, что Маркіонъ гораздо „менѣе спекулятивенъ, чѣмъ Василидъ или Валентинъ“, что онъ „въ сущности религіозный гений, а отнюдь не спекулятивный“ ⁴⁾, что „систематическая спекуляція о послѣднихъ первопрічинахъ“ у него не свободна отъ „многихъ противорѣчій“ ⁵⁾—кажется особыхъ оснований вѣтъ. Правда, Тертуліанъ обличаетъ Маркіона во многихъ противорѣчійхъ, въ особенности его ученіе о двухъ богахъ ⁶⁾. Но кого онъ шадить? и чьи

1) *Tertullianus. Adv. Marc. I, XIX.*

2) *Hippolitus. Refutatio. X, 19.* Ср. Тертуліанъ. О плоти Христа и воскресеніи плоти.

3) Ср. *Möller. Geschichte der Kosmologie. S. 404.*

4) *De Faye, Gnostiques et Gnosticisme, p. 122 129.*

5) *Harnack. Lehrbuch der Dogmengeschichte. S. 295.*

6) *Adv. Marc. I, 15.*

системы онъ имѣеть желаніе подробно изложить? При свихъ адвокатскихъ приемахъ онъ не расположенъ становиться на точку зрѣнія его противниковъ,—чтобы понять ихъ мысли, а наоборотъ—старается иногда нѣсколько какъ бы утрировать ихъ отдѣльныя положенія, чтобы довести ихъ до абсурда.—Однако, и изъ настоящихъ, весьма не полныхъ данныхъ отнюдь не слѣдуетъ, чтобы Маркіонъ занималъ какое-то исключительное положеніе среди древнихъ гностиковъ и никакъ не подходилъ къ ихъ типу. По свидѣтельству Тертуліана¹⁾, исходнымъ пунктомъ заблужденій Маркіона былъ вопросъ—какъ и у всѣхъ гностиковъ—о злѣ его происхожденіи. Этотъ вопросъ вызываетъ весь процессъ религіознаго сознанія, который у Маркіона, какъ и у всѣхъ гностиковъ—расширяется въ міровой процессъ и который находитъ свое завершеніе въ христіанствѣ, спасающемъ человѣка²⁾. Даже изъ западныхъ гностиковъ онъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ напоминаетъ Василида, въ особенности въ отношеніи къ церковному канону и въ преклоненіи предъ ученіемъ ап. Павла³⁾. Средство же Маркіона съ восточными гностиками—съ Кердономъ, Саторниломъ и офитами не подлежитъ сомнѣнію⁴⁾. Даже

¹⁾ О Маркіонѣ Тертуліанъ (*Adver. Mar. I, c. II*) говоритъ: „Изменный (какъ и теперь многие, особенно еретики) вопросомъ о злѣ «откуда зло» и, когда чувства были утомлены суетнымъ любопытствомъ найдя возвышенное Творцомъ (Ис. XLV, 7): „Я произвожу зло“ (бѣдствія),—тѣмъ (сильнѣе) онъ предрѣшилъ, что онъ самъ есть и виновникъ зла.—Въ другомъ мѣстѣ Тертуліанъ (*De praescriptionibus, c. VII*) говоритъ, что вопросъ—unde malum et quare волновалъ и Валентина вмѣстѣ съ Маркіономъ, т. е. гностиковъ вообще.

²⁾ Ср. Tertull. *Adv. Marc. I, XVII*.

³⁾ См. выше, Труды К. Д. Академіи 1915, II, 239, 244.

⁴⁾ См. *Möller* (*Geschichte der Kosmogonie, S. 370, 371, 385*) отмѣчаетъ родство Маркіона съ гностикомъ Ізстиномъ и отчасти съ Саторниломъ и офитами. *Baur* (*Die christliche Gnosis, Tübingen 1835, S. 283 anm.*) подчеркиваетъ сходство Маркіона съ офитами.

Гарнакъ¹⁾, отказывающій Маркіону въ правѣ именоваться гностикомъ, находитъ въ его системѣ гностическіе слѣды и приписываетъ ихъ, какъ извѣстно, вліянію со стороны Кердона. Однако, что представляла бы собою „система“ Маркіона, хотя и теперь не свободная отъ „многихъ противорѣчій“, если бы она, состоя изъ первоначальнаго ученія Маркіона, будто не имѣющаго ничего общаго съ гностицизмомъ, восприняла въ себя гностическія идеи Кердона! Какое можно представить себѣ соединеніе или систему изъ заблужденій на христіанской почвѣ—антитринитаріевъ или монтанистовъ съ одной стороны и гностической системы, напр. Валентина съ другой!...

Вопреки Гарнаку и его единомышленникамъ, отцы и писатели Церкви знали, что дѣлали, когда они относили Маркіона къ гностикамъ²⁾. Объ этомъ у насъ уже была рѣчь³⁾. И новые изслѣдователи гностицизма отдавали себѣ ясный отчетъ, когда они въ этомъ пунктѣ соглашались и соглашались съ древними ересеологами. Таковы, напр. Тильмонъ⁴⁾, Вальхъ⁵⁾, Мозгеймъ⁶⁾, Ав. Неандеръ⁷⁾, Ф. Бауръ⁸⁾,

1) *Lehrbuch der Dogmengeschichte*. S. 293, anm. 295.

2) См. *W. Bousset*. Hauptprobleme der Gnosis. S. 109. Ср. *Krüger u Nauck's*. В. XII. S. 272.

3) См. выше, Труды К. Д. А. 1913, IX, 84—86, гдѣ указана и неудачная попытка Гарнака доказать, что, напр., одинъ изъ главнѣйшихъ ересеологовъ древности—св. Иринеи не относилъ будто бы Маркіона къ гностикамъ.

4) *L. De Tillemont*. Memoires. T. II, p. 123.

5) *W. F. Walch*. Entwurf einer vollständigen Historie der Kezeren. Leipzig. 1762. S. 523.

6) *Joh. Laur. Mosheim*. De rebus Christianorum ante Constantinum Magnum commentarii. Helmstadii. 1753, p. 410.

7) *Aug. Neander*. Genetische Entwicklung der vornehmsten gnost. Systeme. Berlin. 1818. S. 237.

8) *F. Chr. Bauer*. Die christliche Gnosis. Tübingen. 1837, p. 240.

В. Мёллер¹⁾, Липсий²⁾, Гильгенфельдъ³⁾, Мансель⁴⁾, Мидъ⁵⁾, В. Буссе⁶⁾ и др.

Доказательствомъ гностической природы лжеученія Маркіона служитъ судьба его дѣла въ послѣдующее за его смертью время.

Исторія маркіонитства.

Маркіонъ чрезвычайно много заботился о широкомъ распространеніи своего ученія и объ упроченіи своего дѣла. По свидѣтельству св. Епифанія⁷⁾, онъ проповѣдывалъ въ Римѣ, въ Италіи, въ Египтѣ, Палестинѣ, Аравіи, Сиріи, на Кипрѣ и въ Февандѣ. Свое ученіе Маркіонъ имѣлъ въ виду сдѣлать достояніемъ не немногихъ „избранныхъ“ (гности-ковъ), а цѣлыхъ народныхъ массъ. Поэтому онъ не учреждалъ тайныхъ союзовъ или школъ, а *основывалъ церкви, давая имъ хорошую организацію*. „Имѣетъ открыто, пишетъ Тертуліанъ⁸⁾ о Маркіонѣ, и его (т. е. свое евангеліе) и

¹⁾ *Möller* (Geschichte der Kosmologie S 375) говорить: „безъ связи съ остальными гностиками Маркіонъ не стоитъ, если онъ отличается отъ нѣкоторыхъ, именно валентиніанской системы, то онъ однако раздѣляетъ основное направленіе гносиса“. Ср. S. 399.

²⁾ *Lipsius* особенно въ сочиненіи—Die Quellen der ältest. Ketzergeschichte. Leipzig. 1875. S. 42... 225...

³⁾ *A. Hilgenfeld*. Die Ketzergeschichte. S. 316 .. 532...

⁴⁾ *H. L. Mansel* (The Gnostic Heresies. London. 1875, p. 203... 218--219) считаетъ Маркіона отпрыскомъ (offshoot) сирійскаго гносиса. Маркіонъ, по Манселю, послѣдній изъ всѣхъ гностиковъ; послѣдній оригинальный мыслитель этого класса, и его ученіе представляетъ переходъ, когда христіанская спекуляція направляется отъ философіи къ чистой теологіи.

⁵⁾ *G. A. S. Mead*. Fragments of a Faith forgotten. London. 1906, p. 246.

⁶⁾ *W. Bousset*. Hauptprobleme. S. 109.

⁷⁾ Ерес. XLII, 1.

⁸⁾ Adver. Marc. IV, 5. „Habet plane et illud ecclesias, sed suam tam posteras quam adulteras; quarum si censum requiras, facillius apostaticum invenias quam apostolicum, Marcione scilicet conditore, vel aliquo de Marciones *examine*. Faciunt favos et vespas; faciunt ecclesias et marcionitae“.

церкви, но свои,—не законныя, а беззаконныя; если хочешь опредѣлить ихъ цѣну, скорѣе найдешь апостатическими, чѣмъ апостольскими, основанными Маркіономъ или кѣмъ либо изъ стада Маркіона. Осы строить ячейки, создаютъ церкви и маркіониты“. Основанныя Маркіономъ церкви получили отъ него, по воззрѣнію его послѣдователей, будто бы самое истинное ученіе Христа и апостоловъ въ его „евангеліи“ и „апостолахъ“,—очищенныхъ отъ искаженій іудайзма и предохраненныхъ—черезъ опредѣленіе строгаго канона—отъ какихъ бы то ни было поврежденій и на будущее время. Маркіонъ обратилъ вниманіе и на каноническую или церковно-практическую сторону въ жизни церкви. По-видимому, онъ самъ стоялъ во главѣ основанныхъ имъ церквей, въ качествѣ епископа ¹⁾; отъ него пошелъ цѣлый рядъ епископовъ ²⁾. Извѣстны маркіонитскіе пресвитеры, среди нихъ даже мученики ³⁾. Маркіонъ признавалъ таинства, но, при-мѣнительно къ своимъ аскетическимъ стремленіямъ, при совершеніи ихъ, употреблялъ воду—вмѣсто, очевидно, вина и елея. При чемъ таинство крещенія могло быть повторено до 3-хъ разъ; совершеніе его позволялось женщинамъ ⁴⁾.

¹⁾ Въ діалогѣ *Adamantius* (S. Bakhuyzen, p. 16) Мегевій говоритъ: „*Μαρκίων ἐπίσκοπος μου ἦν*“. G. Salmon (Smith. A. Dictionary, v. III, p. 817) предполагаетъ, что Маркіонъ былъ епископомъ еще ранѣе отдѣленія отъ церкви и именно въ каволической церкви, ибо въ своей организаціи маркіониты не допускали новшествъ.

²⁾ По поводу приведенныхъ въ 1-мъ примѣчаніи словъ Мегевія Адамантий (*Adamantius*—Bakhuyzen, p. 16, 18) говоритъ. „*Ἐξ ἑτοῦ Μαρκίων ἐτελεύτησε, τσοῦτων ἐπίσκοπων μάλλον δὲ ψευδεπίσκοπων, παρ' ὧν διαδοχαὶ γέγοναι δια τί μὴ τῶν διαδόχων ἐπωνυμία κέκληται, ἀλλὰ τῇ τοῦ συστατοῦσι Μαρκίωνος*“.

³⁾ Евсевій (Цер. ист. IV, 15) упоминаетъ о сожженіи, при Маркѣ Авреліи, маркіонитскаго пресвитера Митродора, а при Діоклетіанѣ о такой же мученической кончинѣ маркіонитскаго епископа Асклепія (о Палест. мученикахъ, гл. X).

⁴⁾ *Епифаній*, Ерес. XLII, 3—4.

Епифаній ¹⁾ и Тертуллианъ ²⁾ дѣлають упрекъ маркіонитамъ въ томъ, что они совершали тайства при оглашенныхъ.— Въ жизни практической Маркіонъ, какъ уже говорилось, выступалъ аскетомъ—запрещалъ бракъ и проповѣдывалъ дѣвство, устанавливалъ посты и, между прочимъ, постъ въ субботу ³⁾.

Но ученики Маркіона, продолжатели его дѣла, не обладали индивидуальною самобытностью своего учителя и, судя по кратчайшимъ свѣдѣніямъ о нихъ, поддались общему гностическому теченію того времени, занялись спорами о принципахъ бытія. Родонъ, ученикъ Татьяна, опровергавшій въ недошедшемъ до насъ сочиненіи въ числѣ другихъ и ересь Маркіона, по свидѣтельству Евсевія ⁴⁾, писалъ, что ересь эта раздробилась на разные толки (*εις διαφθους γνώμας*).. „потому что они (т. е. виновники—*ἐμπειρογχοῦτες*) и между собою были несогласны, защищая несостоятельное ученіе. Изъ ихъ толпы Апеллесъ, уважаемый за (его) жизнь и старость, признаетъ одно начало, а пророчества производитъ, повинаясь изреченіямъ одержимой демономъ дѣвицы Филумены,

¹⁾ Ерес. XLII, 4. Епифаній видитъ въ этомъ посмѣяніе надъ тайствами.

²⁾ О прескрипціяхъ, гл. XLI—XLII. Въ этихъ главахъ, хотя говорится объ еретикахъ вообще, однако, по характеру повѣствуемаго, думаютъ видѣть изображеніе маркіон. общины. Ср. *Harnack. Zeitschrift f. w. Theologie*. 1876, I, S. 81.

³⁾ *Епифаній*, Ерес. XLII, 4.

⁴⁾ *Εὐσεβίου. Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία*, V, 13, 2—4 (Edit. E. Schwartz и Th. Mommsen. T. I. Leipzig, 1903, p. 454, 456): „διὰ τοῦτο καὶ παρ' ἑαυτοῖς ἀσύμφωνοι, γερῶσιν, ἀσυστάτου γνώμης ἀντιποιοῦμενοι. ἀπὸ γὰρ τῆς τούτων ἀγέλης Ἀπελλῆς μὲν, ὁ τὴν πολιτείαν σεμνυνόμενος καὶ τὸ γῆρας, μίαν ἀρχὴν, ὁμολογεῖ, τὰς δὲ προφητείας ἐξ ἀντικειμένου λέγει πνεύματος, πειθόμενος ἀποψήγεμασι παρθένου δαιμονώσης, ὄνομα Φιλουμένης· ἕτεροι δὲ, καθὼς καὶ αὐτὸς ὁ αὐτῆς (Μαρκίου), δύο ἀρχὰς εἰσρηγόνται· ἀφ' ὧν εἰσι Ποτιτὸς τε καὶ Βουλικός. καὶ οὗτοι μὲν κατακολούθησαντες τῷ Ποτικῷ λόγῳ καὶ μὴ εὐρίσκοντες τὴν διαίρεσιν τῶν πραγμάτων, φησὶ οὐδ' ἕκαστος, ἐπὶ τὴν εὐχέρειαν ἐτρόποντο, καὶ δύο ἀρχὰς ἐπεφάνητο φιλῶς καὶ ἀναποδείκτως· ἄλλοι δὲ πάλιν ἀπ' αὐτῶν ἐπὶ τὸ χεῖρον, ἐξοκείλοντες, οὐ μόνον δύο, ἀλλὰ καὶ τρεῖς ὑποτίθενται φύσεις· ὧν ἑστὶν ἀρχηγὸς καὶ προστάτης Σύνερος, καθὼς οἱ τὸ διδασκαλεῖον αὐτοῦ προβαλλόμενοι λέγουσιν“.

тъ противоположнаго духа Другіе же, какъ и самъ коральщикъ (Маркіонъ), вводятъ два начала, изъ нихъ извѣстны отитъ и Василикъ. Слѣдуя понтійскому волку и не видя различія въ вещахъ, какъ и тотъ, обращаются къ первому и принимаютъ два начала просто, безъ доказательствъ. А иные, снова и отъ нихъ уклонившись въ сторону, полагаютъ въ основу не только двѣ, но и три природы; изъ нихъ извѣстенъ вождь и начальникъ Синерось, какъ называютъ (его) слѣдующіе его ученику¹⁾.

Между послѣдователями Маркіона особенно выдѣлялся одинъ—Апеллесъ. О немъ и его учении ересеологи сохранили сравнительно много свѣдѣній.

Тертуллианъ²⁾ рассказываетъ объ Апеллесѣ, что онъ былъ въ Римѣ ученикомъ Маркіона, слѣд. подобно ему отрицалъ бракъ³⁾. Потомъ онъ палъ съ какою-то женщиной и такимъ образомъ онъ сдѣлался „измѣнникомъ Маркіонова воздержанія (desertor continentiae M.)“⁴⁾; въ слѣдствіе этого онъ почувствовалъ невозможнымъ оставаться „на глазахъ свѣтѣйшаго учителя“ и удалился въ Александрію⁵⁾. По прощевіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ вернулся въ Римъ (когда уже, по видимому, Маркіона не было въ живыхъ), „нѣсколько не улучившись, развѣ только въ томъ, что онъ уже не былъ маркіонитомъ“. Здѣсь онъ сошелся съ другою женщи-

¹⁾ Изъ ересеологовъ о послѣдователяхъ Маркіона упоминаютъ: Тертуллианъ—объ *Апеллесѣ* (часто) и *Луканнѣ* (о воскресеніи плоти—гл. II), *Ps. Tertullianus*—объ Апеллесѣ (с. XIX), Ипполитъ—о *Преповнѣ* ассирійскомъ (Refutatio—L. VII, с. 31) и объ *Апеллесѣ* (VII, 12, 38, X, 20), *Епифаній*—о *Луканнѣ* (Ерес. XLIII) и *Апеллесѣ* (Ерес. XLIV), *Филастрий*—песъма кратко о *Луканнѣ* (с. XLVI) и объ *Апеллесѣ* (XLVII) и *Теодоритъ* (L. I, с. XXV) объ Апеллесѣ, Нотигъ, Влястъ (? Василикъ—ср *Harnack, Geschichte der altchr. Litteratur. I, 1. S. 191*), Синерось, Преповъ и Цивовъ.

²⁾ О прескрипціяхъ, с. XXX.

³⁾ О прескрипціяхъ, с. XXXIII.

⁴⁾ Ср. *Тертуллианъ*, О плоти Христа, гл. 6.

⁵⁾ Ср. *Ps. Tertullian*, с. XIX.

ною, дѣвицею Филуменею, выдававшей себя за пророчицу. Откровения ея Апеллесъ записалъ въ книгу „*Φαυερώσις*“. Въ этотъ періодъ его жизни, очевидно, встрѣтилъ Апеллеса въ Римѣ Родонъ и бесѣдовалъ съ нимъ¹⁾.

Уже внѣшнія обстоятельства жизни Апеллеса показываютъ, что онъ выступаетъ—то какъ ученикъ Маркіона, то какъ самостоятельный учитель, основавшій свою школу²⁾. Перемѣну въ воззрѣніяхъ Апеллеса Тертуллианъ ставитъ въ связь съ сближеніемъ его съ дѣвицею Филуменею, прови-чески замѣчалъ, что „Апеллесъ былъ обращенъ духомъ къ дѣвицѣ Филуменѣ (и) отъ нея получилъ повелѣніе проповѣ-дывать реальную (*solidum*) плоть Христа, безъ рожденія“³⁾.

У псевдо-Тертуллиана (с. XIX), который, по авторитетному заявленію Гарнака⁴⁾, пользовался въ данномъ случаѣ не только синтагмой Ипполита, но и потеряннымъ со-чиненіемъ Тертуллиана противъ апелліанъ, —изложено ученіе Апеллеса такъ.

Апеллесъ, ученикъ Маркіона, послѣ того какъ „впалъ въ собственную плоть“, отдѣлился отъ Маркіона. Онъ вводитъ единаго бога⁵⁾, находящагося въ безконечно возвышенныхъ частяхъ. Онъ сотворилъ множество ангельскихъ силъ; кромѣ того создалъ и иную силу, которая можетъ быть

¹⁾ *Евсевій*, Цер. исторія, V, 13.

²⁾ *Eriphanius*, Haec. XLIV, 1 (Oehler, T. II, p. 692): „*Ἀπελλῆς... εἰς τὸ συναίρειν ἐκ τῶς αὐτῶς συχολῆν πεπλανημένων ἀνθρώπων, τὰ τοιαῦτα βρούλεται δογματίζων*“. Оригенъ (κατὰ Κέλσου, V, 54.—*Origenes Werke*, B. II. Leipzig. 1899, p. 58) пишетъ: „ὁ Μαρκίωνος γνῶριμος Ἀπελλῆς, αἰρέσεως τινος γενόμενος πατήρ“.

³⁾ *De carne Christi*, с. VI.

⁴⁾ *Harnack*. Geschichte der altchristlichen Litteratur. Th. I, Hälft. I, S. 198.

⁵⁾ По выраженію Епифанія (haec. XLIV, 1). „εἰς ἑστὴν ἀγαθὸς θεός, καὶ μὴ ἀρχὴ, καὶ μὴ δυναμὶς ἀκατονώρατος“. —Значительное уклоненіе въ этомъ вопросѣ представляетъ Ипполитъ (*Refutatio*, VII, 38. Duncker, p. 401). Онъ находитъ у Апеллеса четырехъ боговъ: θεός ἀγαθός, —θ. δίκαιος, θ. πόρνος (бесѣдовавшій съ Моисеемъ) и θ. καθὼν αἴτιος.

названа Господомъ (Dominus) ¹⁾, но которой онъ далъ назначеніе ангела. Онъ хотѣлъ, чтобы чрезъ нихъ явился міръ по подражанію высшему міру (ad imitationem mundi superioris). Но онъ раскаялся въ созданіи этого міра, ибо онъ вышелъ не столь совершеннымъ, какъ былъ созданъ высшій міръ.—Законъ и пророковъ онъ (Апеллесъ) отвергалъ. Христось, по нему, вопреки Маркіону, имѣлъ не кажущуюся плоть, но дѣйствительную, какъ учить евангеліе. Христось явился изъ высшихъ частей ²⁾ и при самомъ нисшествіи соткалъ себѣ плоть изъ звѣздъ ³⁾ и эфира. При вознесеніи Христа въ верхнія части, плоть его разлагается на свои составные элементы и неба достигаетъ только духъ. Воскресеніе плоти онъ отрицалъ. Онъ пользуется однимъ только (евангеліемъ?) и апостоломъ Маркіона. Но Апеллесъ имѣлъ кромѣ того особья сочиненія—„Фанеросисъ“ дѣвицы Филумены, какъ бы пророчицы, и „Силлогизмы“, въ которыхъ онъ хочеть доказать, что „все, что Моисей написать о Богѣ, не истинно, но ложно“ ⁴⁾.

Изъ сочиненій, принадлежавшихъ собственно Апеллесу, псевдо-Тертуллианъ, какъ мы видѣли, называетъ „Sillogismi“ ⁵⁾ и „Фанеросисъ“. О содержаніи „Силлогизмовъ“ псевдо-Тертуллианъ кратко замѣчаетъ, что въ нихъ Апеллесъ хочеть до-

¹⁾ У Филастрия с. XLVII—deus secundus.

²⁾ У Иподита VII, 38: τον δε Χριστον εκ της υπερθεν δυναμεις καταληροθεναι.

³⁾ Ср. О плоти Христа, с. VIII.

⁴⁾ Ps. Tertullianus, с. XIX: „Christum neque in phantasmate dicit fuisse, sicut Marcion, neque in substantia veri corporis, ut evangelium docet, sed ideo, quod e superioribus partibus descenderet, ipso descensu sideream sibi carnem et aëream contexuisse: hunc in resurrectione singularis quibusque elementis quae in descensu suo mutuata fuissent in ascensu reddidisse. Hic carnis resurrectionem negat. Solo utitur et apostolo, sed Marcionis, id est non toto. Animorum solarum dicit salutem“.

⁵⁾ Ср. Hippol. Refutatio, VII, 38; X, 20, Евсевій, Цер. исторія, V, 13

казать, что все написанное Моисеемъ о Богѣ ложно¹⁾. Очевидно, это сочиненіе очень важно для системы Апеллеса; оно должно быть поставлено въ параллель съ „антитезами“ Маркіона и вообще говоря развиваетъ его отрицательный взглядъ на ветхій заветъ.—У Оригена²⁾ и Амвросія³⁾ встрѣчаются фрагменты изъ „Силлогизмовъ“ Апеллеса. У Оригена находится одно извлеченіе; а у Амвросія прежде извѣстно было три, а теперь, благодаря изысканіямъ Гарнака, еще семь⁴⁾, хотя Амвросій едва ли могъ имѣть „Силлогизмы“ подъ руками и, вѣроятно, сдѣлалъ выдержки изъ нихъ по утраченнымъ для насъ сочиненіямъ Оригена⁵⁾.

Оригенъ приводитъ слѣдующее разсужденіе Апеллеса. Послѣдній хотѣлъ доказать, что „писанія Моисея совсѣмъ не содержатъ въ себѣ божественной мудрости, ни дѣйствія Духа Святого, и при этомъ онъ такъ преувеличиваетъ сказанное (т. е. въ писаніи) и говорить, что никоимъ образомъ не могло быть, чтобы такой небольшой объемъ (т. е. ковчегъ Ноя) могъ вмѣстить столько родовъ животныхъ и пищу для нихъ, которой стало бы на цѣлый годъ... слѣдовательно, ясно, что выдуманна басня; а если такъ, то ясно, что это писаніе не отъ Бога“⁶⁾.

У Амвросія читаемъ: „многіе, которыхъ учитель (соб. auctor) Апеллесъ—такъ въ 38-томѣ его—предлагаютъ такіе

¹⁾ По своимъ размѣрамъ „Силлогизмы“ были очевидно очень велики. По свидѣтельству Амвросія, уже въ 38 томѣ ихъ обсуждался вопросъ только о значеніи для человѣка райскаго древа жизни. См. дальше въ текстѣ.

^{2—3)} Подробное указаніе всѣхъ мѣстъ у Оригена и Амвросія см. у Harnack'a—*Geschichte der altchr. Litter.* I, 1. S. 199.

⁴⁾ *Texte und Untersuchungen.* B. VI, 1891, Heft III. A. Harnack. Sieben neue Bruchstücke der Syllogismen des Apollon. SS. 111—120.

⁵⁾ *Texte und Untersuchungen.* B. VI, 1891, Heft III, S. 120. A. Harnack. *Geschichte der altchristl. Litteratur.* I, 1. S. 199.

⁶⁾ Ср. Ὁριγενής. Κατὰ Κέλσου. V, LIV (Origenes Werke. B. II. Leipzig. 1899. P. Koetschau, p. 88): „ὁ Μωϋσῆς γράμματα; Ἀπελλῆς, αἰρέσεως τινος γενόμενος πικρῶν καὶ μῦθον ἠρῶμενος εἶπε: τὰ Ἰουδαίων γράμματα“.

вопросы: какимъ образомъ древо жизни является болѣе дѣйственнымъ, чѣмъ дыханіе божіе?—Затѣмъ, если Богъ не создалъ челоуѣка совершеннымъ, и каждый чрезъ собственную дѣятельность пріобрѣтаетъ себѣ совершенство добродѣтели: не кажется ли, что челоуѣкъ болѣе самъ пріобрѣтаетъ себѣ, чѣмъ влагаетъ въ него Богъ?—Въ третьихъ, выставляютъ: Если челоуѣкъ не вкусилъ бы смерти, то—во всякомъ случаѣ, поскольку не вкусилъ бы—не могъ бы знать. Слѣдовательно, если не вкусилъ бы, не зналъ бы (т. е. смерти); если не зналъ бы, не могъ бы бояться. Значитъ, напрасно Богъ угрожалъ бы смертью, которой люди не боялись бы“.—Содержаніе новыхъ семи фрагментовъ „Силлогизмовъ“, извлеченныхъ Гарнакомъ изъ творенія Амвросія, въ сокращеніи таково: 1) „не всегда худо не повиноваться заповѣди. Ибо если заповѣдь блага, то нечестиво повиновеніе; но если заповѣдь—не добра, полезно не повиноваться. Слѣд., не всегда худо—не повиноваться заповѣди“. 2) „Кто не знаетъ ни добра, ни зла, нисколько не различается отъ мальчика (a parvulo); мальчикъ же у справедливаго судьи ни въ чемъ не обвиняется“. 3) „Кто не знаетъ ни добра, ни зла, не знаетъ—говорятъ также и того, что не повиноваться заповѣди худо; не знаетъ тотъ и блага повиновенія. Слѣд., кто не знаетъ и не повинуется, заслуживаетъ снисхожденія, а не осужденія“. 4) Четвертый силлогизмъ развиваетъ уже извѣстную мысль Апеллеса: если смерть челоуѣка приписывать натурѣ (свойству) древа, тогда ея плодъ превышаетъ силу дыханія Бога, оживившаго челоуѣка. 5) „Зналъ или не зналъ Богъ, что Адамъ нарушитъ заповѣдь Его? Если не зналъ, то это утвержденіе не соответствуетъ божественному могуществу; если же зналъ и тѣмъ не менѣе въ пренебреженіи заповѣдалъ, то это недостойно Бога предписывать что-либо излишнее.. ничего напраснаго Богъ не дѣлаетъ: значитъ, писаніе не отъ Бога“. 6) Шестой фрагментъ путемъ силлогистическихъ разсужде-

ній хочетъ установить, что „человѣкъ не есть созданіе Бога потому, что Богъ зла не сотворилъ. Между тѣмъ человекъ получилъ понятіе о злѣ, прежде чѣмъ былъ низвергнутъ зломъ“. 7) Наконецъ, 7-й фрагментъ гласитъ: „Какимъ образомъ Богъ—благъ, если онъ не только допустилъ въ этомъ мірѣ зло, но даже позволилъ въ такой степени смѣшеніе“?

Приведенные фрагменты изъ „Силлогизмовъ“ Апеллеса подтверждаютъ данное по Ps. Tertullianus'у изложеніе его системы. Здѣсь Апеллесъ выступаетъ дѣйствительно ученикомъ Маркіона. Онъ, какъ и Маркіонъ, отвергалъ Ветхий Заветъ (=законъ и пророки). Въ его первыхъ двухъ вопросахъ, приводимыхъ Амвросіемъ, о силѣ древа жизни и значеніи личнаго совершенствованія человекъ—чувствуется глубокое проникновеніе духомъ Маркіона, начитаннаго въ писаніяхъ ап. Павла, хотя и превратно понявшаго его. Положеніе Апеллеса „не всегда худо не повиноваться заповѣди“—стоитъ въ строгомъ согласіи съ ученіемъ Маркіона, ибо послѣдній придавалъ лишь относительное значеніе закону и исполненію его. Разсужденія Апеллеса во 2-мъ изъ новыхъ фрагментовъ о томъ, что мальчикъ, какъ не имѣющій понятія о добромъ и зломъ, долженъ быть оправданъ справедливымъ судьей—вполнѣ согласуется съ противоположеніемъ со стороны Маркіона гибели 42 мальчиковъ въ ветхомъ заветѣ (въ исторіи прор. Блісея) съ любовнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ со стороны I. Христа.—Но въ то время какъ намъ неизвѣстно болѣе подробное развитіе возраженій Маркіона противъ ветхаго завета,—изъ фрагментовъ Апеллеса мы узнаемъ о рационалистически-діалектической критикѣ его ветхаго завета. Онъ пытается доказать мнѣшескій характеръ ветхозавѣтныхъ писаній, блестящій примѣръ чего онъ видитъ въ повѣствованіи о потоцѣ (о ковчегѣ), фактически (или технически) будто бы негѣпомъ. Затѣмъ весь этотъ діалектический ходъ разсужденій Апел-

леса по фрагментамъ его „Силлогизмовъ“ указываетъ на рѣзко рационалистическое направленіе его лжеученія. Главное различіе въ ученіи Апеллеса отъ Маркіона—это, разумѣется, въ признаніи имъ, вопреки дуализму Маркіона, единого начала. Есть и другія частныя различія въ изложенной системѣ Апеллеса отъ ученія Маркіона, какъ, напр. по вопросу о плоти Христа.—Значительно иной характеръ принимаетъ ученіе Апеллеса къ концу его жизни. Родонъ, исрѣтившій Апеллеса въ Римѣ, уже по возвращеніи его изъ Египта, такъ передаетъ свою бесѣду съ нимъ: „Старець Апеллесъ, сошедшій съ нами, обличень былъ во многихъ лжеученіяхъ, и посему утверждалъ, что не должно испытывать писанія, но что каждый долженъ оставаться, какъ увѣровалъ; ибо спасутся, доказывалъ онъ, лишь надѣющіеся на Распятаго, только если они будутъ совершать добрыя дѣла... Онъ признавалъ одно начало, каково и наше ученіе... Скажи намъ, обращается Родонъ въ этой бесѣдѣ къ Апеллесу, гдѣ у тебя доказательство на это, или какъ ты можешь говорить, что начало одно... Почему вачало одно—отвѣчалъ Апеллесъ—не могу сказать, только влекусь къ этой мысли“. О немъ же Родонъ говоритъ: „изъ ихъ толпы (т. е. маркіонитовъ) Апеллесъ, уважаемый за жизнь и старость, признаетъ одно начало, пророчества же производить отъ противоположнаго духа, повинуюсь внушеніямъ одержимой демонами дѣвицы, по имени Филумены“¹⁾.—Слѣд., въ послѣдній возрастъ своей жизни, подъ вліяніемъ лжепророчицы Филумены, старикъ Апеллесъ отчасти измѣнилъ своему рационалистическому направленію и сдѣлался

¹⁾ Εὐσεβίου. Ἐκκλ. ἱστορία. V, 13 (Ed. Schwartz и Th. Mommsen. p. 456): (Ἀπελλῆς) ἔφασκεν μὴ δεῖν ὅπως ἐξετάταιν τὸν λόγον ἀλλ' ἔκαστον, ὡς πεπίστευκεν, διαμένειν. σωθήσεσθαι γὰρ τοὺς ἐπὶ τὸν ἐσταυρωμένον ἠλπικότες ἀπεφαίνετο, μόνον ἕαν ἐν ἔργοις ἀγαθοῖς εὐρίσκονται... ἔλεγεν μὲν γὰρ μίαν ἀρχὴν καθὼς καὶ ὁ ἡμετέρος λόγος... πῶς δύνασαι λέγειν μίαν ἀρχήν;... τὸ δὲ πῶς ἐστὶν μίαν ἀρχὴν μὴ γινώσκων ἔλεγεν, οὕτως δὲ κινεῖσθαι μόνον...

мистикомъ. Правда, онъ попережнему отрицалъ ветхій за-
вѣтъ (ср. пророчества) и, вѣроятно, попережнему діалекти-
чески ¹⁾ аргументировалъ свое отрицательное отношеніе къ
нему; но теперь онъ больше „влекся“ къ другому: „относительно
не должно испытывать писанія“, очевидно, имѣя въ виду
писанія новаго завѣта—евангеліе и апостольскіе Маркіона. Те-
перь не ratio, не γῶσις у него на первомъ планѣ, а πίστις
и ἰσχύς.

Гарнакъ въ своемъ тенденціозномъ стремленіи исклю-
чить Маркіона изъ числа гностиковъ указываетъ на ученика
его послѣдователя Апеллеса, какъ доказательство своей мы-
сли. Въ этомъ случаѣ онъ придаетъ особенно большое зна-
ченіе ученику Апеллеса объ единомъ началѣ (μία ἀρχή). Свою
диссертацию Гарнакъ озаглавливаетъ: „De Apellis gnosii mo-
narchica“ (Lipsiae. 1874) и старается въ ней доказать посте-
пенную эволюцію во взглядахъ Апеллеса. Сначала будто-бы
онъ выставилъ праведнаго деміурга, какъ противника бла-
гого бога Израиля и закона. Свои воззрѣнія на свящ. писа-
ніе ветхаго завѣта Апеллесъ долженъ былъ два раза измѣ-
нить: вначалѣ онъ рѣшительно отвергалъ ветхій завѣтъ; за-
тѣмъ, началъ различать въ немъ истинное и ложное, какъ
показываютъ его „Силлогизмы“, наконецъ, уже будучи ста-
рикомъ, онъ склонился къ своему юношескому отрицанію
ветхаго завѣта. Что касается его отношенія къ гносіеу и
вѣрѣ, то онъ сначала признавалъ гносіеъ, затѣмъ, подъ влія-
ніемъ Филумены, впалъ въ мистику и придавалъ все значе-
ніе вѣрѣ. Потерпѣвши крушеніе въ гносіеѣ, Апеллесъ со-
хранилъ вѣру въ единство Бога и во спасеніе, достигаемое

¹⁾ Такъ, относительно пророчествъ старецъ Апеллесъ говорилъ
Родову: „пророчества обличаютъ сами себя, ибо не говорятъ нисколько
правды; они не согласны между собою, лживы и противорѣчатъ одно
другому“ (ἔφη τὰς μὲν προφητείας αὐτὰς ἐλέγχειν διὰ τὸ μὴ εἶναι ἀληθεῖς,
ἀντιφασκεῖν ἀσάφηναι γὰρ ὑπάρχουσι καὶ ἐκασταῖς ἀντικείμεναι“.

чрезъ вѣру въ Распятаго (pp 55—92) Въ своемъ послѣднемъ (4-мъ) изданіи „Lehrbuch der Dogmengeschichte“ (s. 301 и апн.) Гарнакъ обращаетъ особое вниманіе на то, что „Апеллесъ, самый значительный ученикъ Маркіона, возвращается къ исповѣданію единого Бога (*μία ἀρχή*) и понимаетъ деміурга и сатану, какъ ангеловъ его, не измѣняя основнымъ мыслямъ Маркіона, наоборотъ слѣдуя указаніямъ, какія онъ самъ далъ“. И въ примѣчаніи добавляетъ: „Его ученіе потому столь важно, что оно показываетъ, что можно утверждаться на основныхъ мысляхъ Маркіона и не быть дуалистомъ“.—Однако, доказать такую перемѣну во взглядахъ Апеллеса, какую хочетъ видѣть у него Гарнакъ, невозможно!); въ особенности трудно констатировать хоть нѣкоторое приближеніе Апеллеса къ церковному сознанію. Справедливо говорить De Faye: „пусть не воображаютъ, будто, возвращая ученіе своей секты къ монотеизму, Апеллесъ думалъ облизаться съ церковью. Это намѣреніе, если даже онъ имѣлъ бы его,—ему совсѣмъ не удалось... Въ поворотѣ Апеллеса къ монотеизму мы, однако, нѣчто цѣнимъ. Мы видимъ въ немъ доказательство независимости духа и особой рефлексіи... Этотъ ученикъ Маркіона имѣлъ талантъ, какого былъ лишенъ учитель. Онъ былъ діалектикъ“²⁾. Какъ діалектикъ, Апеллесъ, подобно своему современнику Тертуллиану³⁾, также славившемуся своею діалектикой, и замѣтилъ логическую несостоятельность дуализма и устранилъ её. Но устраненіе это было *формальнымъ*, въ своемъ родѣ *диалектическимъ*, а не по содержанію. Утверждая на словахъ „монархію“ въ представленіи о божествѣ, Апеллесъ на самомъ дѣлѣ вводитъ въ теогонію и космогонію тѣ же самыя начала, какія обычны для гностиковъ вообще. У него имѣеть мѣсто

¹⁾ Ср. Hilgenfeld, Die Ketzergeschichte, S. 535.

²⁾ De Faye. Gnostiques et Gnosticisme, p. 157.

³⁾ Ср. Adver. Marc. I, 15.

и единый Богъ ($\mu\acute{\iota}\alpha \acute{\alpha}\rho\chi\eta$) и „высшій міръ“ (*mundus superior*), и какой-то „иной міръ“, до котораго не было заботы единому богу¹⁾, и сила, созданная высшимъ богомъ, но названная „вторымъ богомъ (*secundus deus*)²⁾, и множество ангельскихъ силъ“; а по Ипполиту³⁾, Апеллесъ признавалъ четырехъ боговъ. Созданный богъ (*secundus deus*) творитъ міръ „по подражанію“ (*ad imitationem*) высшему міру. Но этотъ міръ оказывается „не добрымъ“⁴⁾. Значитъ, откуда-то взялось зло, и весь ветхій завѣтъ явился заслуживающимъ отверженія. Въ ученіи объ искупленіи, о спасеніи только душъ, Апеллесъ повторяетъ положеніе своего учителя, точнѣе общегностическую догму.—Не отказался Апеллесъ отъ гностическихъ воззрѣній и къ концу своей жизни. Правда, онъ сдѣлался болѣе склоннымъ къ мистицизму, чѣмъ къ рационализму. Но вѣдь собственно гностицизмъ вовсе не былъ рационалистическимъ явленіемъ, а скорѣе именно мистическимъ. Затѣмъ, къ концу своей жизни Апеллесъ имѣлъ у себя лжепророчицу и придавалъ большое значеніе ея предсказаніямъ. Въ этомъ случаѣ онъ, конечно, думалъ не о приближеніи къ „великой церкви“, а подчинился общему гностическому духу, воздвигшему лжепророковъ; значитъ, пошелъ дальше своего учителя. Придвинулся ближе къ гностицизму Апеллесъ и въ томъ отношеніи, что, вопреки Маркіону, допускалъ аллегорію⁵⁾.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что стремленіе Гарнака, при исключеніи Маркіона изъ числа гностиковъ, видѣть или находить лишній аргументъ для этого въ ученіи его послѣдователя Апеллеса, будто бы пришедшаго, не измѣняя основ-

¹⁾ *Ephraim*, haer. XLIV, 1 (Oehler. p. 692)... „ἐνὶ θεῷ, ἦσαν μὴ ἄρχη, οὐδὲν μετέλθει τῶν ἐν ταῦτα ἐν τῷ κόσμῳ τοῦτῳ γεγεννημένων“.

²⁾ *Filastrius*, c. XLVII. Ср. *Ephraim*. XLIV, 1 „ἄλλος θεός“.

³⁾ *Refutatio*, VII, 38.

⁴⁾ *Ephraim*, haer. XLIV, 1.

⁵⁾ Апеллиане указывали на заблудшуюся овцу, какъ символъ ангела, создавшаго міръ и въ этомъ раскаявшагося. *Tertullianus*, О плоти Христа, VIII.—Гарнакъ также не отрицаетъ въ этомъ мѣстѣ аллегоріама Апеллеса. *Geschichte d. Althchr. Litteratur*, 1, s. 198.

нымъ мыслямъ своего учителя, къ исповѣданію единого бога,—положительно несостоятельно. Монархіанство Апеллеса—рѣшительно малоцѣнно; ибо, какъ мы видѣли, оно логически не вяжется съ его системою и есть лишь діалектическое словоизвитіе. Когда Родонъ, заклиная Апеллеса, просилъ его привести основанія, почему онъ признаетъ начало одно, то послѣдній поклялся, что „не знаетъ, почему нерожденный Богъ одинъ, и однако же вѣруеть въ это“. Въ другихъ отношеніяхъ Апеллесъ высказываетъ много типичныхъ гностическихъ мыслей, больше, чѣмъ извѣстно изъ системы его учителя Маркіона. Въ виду этого изъ ученія послѣдователей Маркіона и особенно—Апеллеса мы имѣемъ достаточныя основанія заключать о гностической природѣ и гностическомъ характерѣ системы Маркіона. Будь Маркіонъ простымъ „церковнымъ реформаторомъ“, то и въ лицѣ его послѣдователей естественно ожидать встрѣтить христіанскихъ ижеучителей или еретиковъ, въ родѣ антитринитаріевъ или монтанистовъ. Въ дѣйствительности совсѣмъ не то.

Написать исторію маркіонитскихъ общинъ данныхъ нѣтъ. Есть только отрывочныя, весьма краткія указанія на то, что маркіониты существовали до VII в., а нѣкоторые предполагаютъ и до X в.

Лишь отъ одной вѣтви маркіонитства, именно, армянской, сохранился весьма важный памятникъ, относящійся къ V в. и находящійся въ сочиненіи армянскаго епископа Езника ¹⁾: „Ниспроверженіе ересей“ ²⁾. Это сочиненіе распа-

¹⁾ По словамъ Неймана. Езникъ по мѣсту своего рожденія называется Колпенсерскій (Kolpenser); онъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ учениковъ св. Исаака и Месропа. Онъ получилъ образованіе въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ Сиріи и Греціи и поэтому владѣлъ греческимъ, сирскимъ и персидскимъ языками. Онъ процвѣталъ во 2-й половинѣ V в. и умеръ въ глубокой старости епископомъ въ Пакрелатѣ, въ одномъ изъ округовъ армян. провинціи.

²⁾ Достояніемъ печати это сочиненіе, „написанное элегантною армянскимъ стилемъ“,—стало только съ 1816 г. Первымъ переводчи-

дается на четыре отдѣла: первый поражает заблужденія язычниковъ вообще, второй—религіозную систему персовъ, третій—воззрѣнія греческихъ мудрецовъ и четвертый—еретическія положенія Маркіона. Порядокъ у Езника такой: въ началѣ каждаго отдѣла онъ излагаетъ взгляды, которые онъ намѣревался оспаривать—*чисто и безъ постороннихъ добавленій* (*rein und ohne fremdartigen Zusatz*). Затѣмъ слѣдуетъ весьма пространное опроверженіе этихъ взглядовъ. Благодаря именно такому методу работы изложеніе Маркіон. ученія у Езника и является весьма цѣннымъ для исторіи армянскихъ маркіонитовъ V в. Виндишманъ ¹⁾ высказываетъ даже предположеніе, что Езникъ сдѣлалъ въ данномъ случаѣ извлеченіе изъ „антитезъ“ Маркіона. Гарнакъ ²⁾ же считаетъ болѣе вѣроятнымъ думать, что Езникъ изложилъ ученіе Маркіона „на основаніи очерка маркіонитскаго ученія болѣе поздняго армянскаго ученика (Маркіона?) и собственныхъ свѣдѣній объ этой сектѣ“.

Система Маркіона по Езнику была такова.

1. Лжеучитель Маркіоня признаетъ Возвышенное (божество) ³⁾, которое совершенно отлично отъ бога закона.

комъ книги Езника съ армянскаго на нѣмецкій языкъ былъ Carl. Friedrich Neumann. Впервые переводъ его появился въ Венеціи въ 1826 г., но доступнымъ для широкой публики онъ сталъ съ тѣхъ поръ, когда былъ напечатанъ въ журналѣ: „Zeitschrift für historische Theologie, 1834, Leipzig. B. IV. Erst. Stück SS. 71.. Въ томъ же 1834 г. появился другой нѣмецкій переводъ кн. Езника—Виндишмана, а въ 1853 г. французскій Le Vaillant de Florival. Мы имѣемъ подъ руками переводъ Неймана. Гарнакъ, составляя специальную статью „Beiträge zur Geschichte der marcionitischen Kirchen“ (Zeitschrift für wissen. Theologie. 1876 Ers. Heft. S. 80..), провѣрилъ переводъ Неймана при помощи своего друга Hübschmann'a. По свѣдѣтельству Гарнака (S. 87), Гюбшманъ нашелъ нѣкоторыя неточности въ переводѣ Неймана, въ особенности въ отдѣлѣ объ искушеніи.

¹⁾ У Harnack'a. Zeitschrift für w. Theologie. 1876, S. 91.

²⁾ Harnack. Zeitschrift. S. 92.

³⁾ Hübschmann (A. Harnack. Beiträge zur Geschichte. S. 88) переводитъ здѣсь иначе: „...признаетъ чуждое (другое, неизвѣстное) суще-

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ также, что матерія есть сущее (*die Materie ein Sein sei*) и что существуетъ три различныхъ неба. На одномъ, говоритъ онъ, обитаетъ Чуждый (*der Welt durchaus Fremde*), во второмъ—богъ закона, въ третьемъ находятся его воинства (*Heerschaaren*), а на землѣ ось матерія (*und auf der oder in der Erde ist die Materie*), которую онъ также называетъ силою (или *Wesen der Erde*).

2. Твореніе міра Маркіонъ, по Езнику, представлялъ по-библейски, но будто-бы еще „прибавлялъ, что богъ закона все сотворилъ чрезъ посредство матеріальнаго и что матерія служила ему какъ женская потенція, какъ жена для соединенія (*die Materie ihm gedient als weibliche Potenz. als Weib zur Begattung*)“.—Послѣ созданія міра богъ закона со своими воинствами возшелъ на небо, а матерія со своими сыновьями осталась на землѣ, и каждый господствовалъ въ принадлежащей ему области—матерія на землѣ и богъ закона на небѣ.

3. Когда Богъ закона увидѣлъ, что земля прекрасна, то задумалъ создать человѣка, который обиталъ бы на ней. Поэтому онъ сошелъ къ матеріи на землю и сказалъ ей: дай мнѣ праха (*Staub*), я вдуну въ него духъ мой, и такимъ образомъ мы создадимъ человѣка по моему образу. Матерія согласилась, и созданъ былъ Адамъ. Для него богъ закона сотворилъ жену и поселилъ ихъ въ рай. Они повиновались ему, почитали его, радовались ему, какъ дѣти¹⁾.

4. Адамъ очень понравился богу закона, и онъ рѣшилъ отдалить его отъ матеріи и всецѣло соединить съ собою

ство“ и въ примѣчаніи пишетъ: „армянское слово «*odat*» имѣетъ двойное значеніе: *ἄλλος* (ср. *Justin. Apol. I, 26. „ἄλλος τινὰ νομιζειν μείονα*) и *ξενός, ἕνωτος*“.

¹⁾ *Hübbschmann* (S 87) переводитъ: „и они (ср. богъ закона и матерія) всегда приходили и давали приказанія (ср. Адаму) и радовались ему, какъ родители сыну“.

(ihn von der Materie zu entfernen¹⁾), und ganz mit sich zu vereinigen). Отведя Адама въ сторону, онъ сказалъ: Адамъ, я-- богъ, и нѣтъ другого бога.. но если ты, кромѣ меня, поклонись другимъ богамъ, знай, что ты умрешь смертью. Тогда такой страхъ объялъ Адама, что онъ мало-по-малу окончательно удалился отъ матеріи (er sich nach und nach ganz von der Materie entfernte)..—Когда матерія по своему обыкновенію пришла къ Адаму, чтобы служить ему (um ihm zu dienen)²⁾ и увидѣла, что Адамъ невнимательно слушаетъ её..., то поняла, что богъ творенія обманулъ её. Она сказала: „источникъ глаза затемненъ своею водою (Die Quelle des Auges ist durch ihr Wasser verdunkelt)³⁾... Еще Адамъ не имѣеть дѣтей, и я уже обманута чрезъ того (бога закона)... Такъ какъ онъ не сдержалъ договора со мною, то я создамъ множество боговъ и наполню ими міръ, чтобы не могли находить истиннаго бога, ища его“.—Свое рѣшеніе матерія привела въ исполненіе: создала много боговъ. Между множествомъ именъ боговъ затерялось имя бога, господя творенія. Вслѣдствіе этого потомки Адама попали на ложные пути (Irrwege) и не поклонялись богу творенія, потому матерія привлекла ихъ всѣхъ къ себѣ. Разгнѣванный богъ творенія направилъ (соб. schleuderte—побросалъ) ихъ всѣхъ, по смерти, въ адъ, и они оставались въ аду 29 столѣтій.

4. Когда благой богъ высочайшій⁴⁾, который живетъ на третьемъ небѣ, увидѣлъ, что народы чрезъ злое дѣло⁵⁾

¹⁾ *Hübshmann* переводить (s. 88): „украсть (zu stehlen) его у матеріи“.

²⁾ Вѣрнѣе, конечно, переводить *Hübshmann*: „um ihm zu befehlen (приказывать ему).“

³⁾ Эту мысль, выраженную образно, лучше передаетъ *Hübshmann*: „Von dem Anfang der Quelle her ist das Wasser derselben getrübt (отъ начала источника вода его становится мутною).“

⁴⁾ *Hübshmann*: „...Unbekannte (andere) Gott...“

⁵⁾ *Hübshmann*: „das Menschengeschlecht zwischen zwei Betrügern gequält werde“.

(durch die Bosheit) обоихъ—демиурга и матеріи—испорчены и направлены въ адъ; то онъ почувствовалъ состраданіе къ осужденнымъ и мучимымъ огнемъ. Поэтому онъ послалъ своего сына, чтобы спасти ихъ и повелѣлъ ему принять образъ раба и явиться между сынами бога закона въ видѣ чловѣка (in der Form eines Menschen). Исцѣли, сказалъ онъ, ихъ раны¹⁾, воскреси ихъ умершихъ, отверзи глаза ихъ слѣпцамъ, соверши между ними даромъ величайшія чудеса (Heilungen), пока не увидитъ тебя богъ закона, и не позавидуетъ, и не заставитъ тебя умереть на крестѣ. По смерти ты сойдешь въ адъ и выведешь оттуда умершихъ, и пусть впредь не будетъ ада между живущими.—Сынъ божій сдѣлалъ все по слову отца; сойдя въ адъ, онъ взялъ души (die Geister), которыя тамъ были, и принесъ ихъ на третье небо, къ своему отцу.—Богъ закона сильно разгнѣвался: въ ярости онъ разорвалъ свои одежды... онъ помрачилъ свое солнце и окуталъ свой міръ мракомъ—и такимъ образомъ оставался онъ долгое время въ печали.—Тогда Іисусъ сошелъ во второй разъ и явился въ образѣ своего божества предъ богомъ закона, чтобы свести съ нимъ счеты за свою смерть (um mit ihm zu rechten wegen seines (Jesu) Todes)... Іисусъ сказалъ богу созданія: не ты ли написалъ въ твоихъ законахъ: кто убьетъ чловѣка, тотъ долженъ умереть, и кто проливаетъ кровь праведнаго, его кровь должна быть пролита?.. Когда богъ творенія увидѣлъ, что онъ побѣжденъ.., тогда онъ спустился въ адъ и обратился съ просьбою²⁾ къ Іисусу: такъ какъ я грѣшенъ и умертвилъ тебя по невѣдѣнію, ибо я не зналъ, что ты богъ, посчитавъ тебя за чловѣка, то я позволяю тебѣ всякую месть по отношенію ко мнѣ, какой (и) я могъ

¹⁾ У *HübSCHmann'a*—ихъ прокаженныхъ (Aussätzigen).

²⁾ У *HübSCHmann'a* (S. 90) нѣтъ упоминанія объ удаленіи бога закона во адъ и объ обращеніи его сказано: „da bat er flehentlich, т. е. „тогда онъ умолялъ“ его.

подвергнуть тебя, если ты также благословляешь? ¹⁾). После этого оставил (*verliess*) его Иисусъ, отправился къ Павлу открылъ ему учение вѣры и послалъ его возвѣщать, какимъ путемъ мы должны идти. Всѣ, которые вѣруютъ во Христа передаются этому праведному и хорошему (*wurden diesem Gerechten und Guten übergeben*) ²⁾.

Этимъ кончается изложеніе системы Маркіона у Езника Переводчикъ Нейманъ говоритъ ³⁾: „Езникъ присоединяетъ, что это есть только начало заблужденій Маркіона, и онъ оставялъ всякую другую рѣчь, такъ какъ то не всѣ (т. е. принимали), но только нѣкоторые приверженцы Маркіона знали и между собою передавали лишь устно (*unter sich bloss mündlich mittheilten*). Они говорили именно: „мы идемъ путемъ высшаго бога, далеко отъ бога творенія. Но какъ и какимъ образомъ это должно произойти,—этого не знаютъ всѣ“ ⁴⁾.

Послѣ этого, по Нейману ⁵⁾, слѣдуетъ въ армянскомъ текстѣ опроверженіе положеній Маркіона, которое обнимаетъ

¹⁾ Это мѣсто очень темное по обѣимъ переводамъ и передается различно: у *Неймана*: *so erlasse ich dir jede Rache, mit der ich dich heimsuchen wollte, wo du auch immer segest*. У *Гюбшмана*: *dafür gebe ich dir zur Genugthung alle jene, welche an dich glauben werden, dass da mit ihnen thun kannst, was da willst* (потому я представляю тебѣ для удовлетворенія всѣхъ тѣхъ, которые увѣруютъ въ тебя, чтобы ты могъ сдѣлать съ ними все, что ты хочешь).—Переводъ Гюбшмана дѣлаетъ понятнымъ по крайней мѣрѣ переходъ къ дальнѣйшему—къ проповѣди Иисуса или Павла. Тогда какъ при переводѣ Неймана онъ непонятенъ: ожидаешь приговора Иисуса богу закона, и вдругъ... „оставилъ его Иисусъ“...

²⁾ Мѣсто также трудное для пониманія. У *Гюбшмана*: Павелъ проповѣдуетъ: „мы куплены цѣною и всѣ, которые вѣруютъ въ Иисуса, покупаются у этого праведнаго для благого“. *Виндишманъ*: „освобождаются отъ праведнаго бога чрезъ благого“.

³⁾ *Zeitschrift für hist. Theologie*. 1884. B. IV. S. 76.

⁴⁾ „Wir gehen den Weg des höchsten Gottes, fern von dem Gotte der Geschöpfe. Wie aber und auf welche Weise dieses geschehen solle,—diess wissen nicht Alle“.

⁵⁾ *Zeitschrift f. h. Th.* 1834. B. IV. S. 76.

14 главъ, а 15-ая и послѣдняя глава 4-й книги и всего сочиненія гласить слѣдующее: „этотъ Маркіонъ происходилъ изъ провинцій Понта и былъ сынъ епискона (идеть рассказъ по Епифанію)... Онъ утверждалъ, что „есть три основныхъ принципа—*добрый, праведный и дурной или злой* (drei Grundprinzipie-re gebe—das gute, das gerechte und das schlechte oder böse). Онъ признавалъ, что новый завѣтъ рѣшительно отличенъ отъ ветхаго“ и т. д. повтореніе того, что уже извѣстно о Маркіонѣ—изъ Тертуліана и Епифанія.

Нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр. Салмонъ¹⁾, вырываютъ цѣлую пропасть между древней системой Маркіона, извѣстной по источникамъ главнымъ образомъ II и III в., и системой его, изложенной у Езника. Салмонъ говоритъ: „эта мистическая система столь разнится отъ ученія Маркіона (извѣстнаго) по древнимъ источникамъ, что мы должны абсолютно отвергнуть еѣ“.—Безспорно, отличіе системы, приписываемой Езникомъ Маркіону, отъ первоначальной системы Маркіона есть. Оно касается главнымъ образомъ представленія о матеріи, какъ *личною* началъ, и состоитъ въ *ясно выраженномъ* ученіи о *трехъ принципахъ* бытія. Второстепенное отличіе можно видѣть въ перенесеніи или точнѣе расширеніи Маркіоновой борьбы изъ-за человѣка между благимъ богомъ и богомъ ветхаго завѣта и на дохристіанскій періодъ, гдѣ борьба велась между матеріей и праведнымъ богомъ. Но эти различія не столь уже существенны, чтобы изъ-за нихъ отрицать всякую связь между двумя

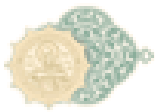
¹⁾ A Dictionary of Christian biography. W. Smith. v. III, p. 821—822. Салмонъ говоритъ: „Система, описанная у Езника—болѣе мистическаго, чѣмъ рационалистическаго характера, и если мы примемъ ее за оригинальную форму маркіонизма, то Маркіонъ болѣе былъ бы обязанъ древнимъ гностикамъ, чѣмъ иначе мы могли бы предполагать. Однако эта система мистическая столь разнится отъ ученія Маркіона по древнимъ источникамъ, что мы должны абсолютно отвергнуть ее; ибо она вовсе не соединима съ гносеисомъ Маркіона, или гностикъ его вѣка не могъ такъ мыслить“.

системами. По крайней мѣрѣ, распространение борьбы изъ-за человѣка на дохристіанскій періодъ, по справедливому замѣчанію Гарнака ¹⁾, сдѣлано всецѣло въ духъ Маркіона, ибо лишь человѣкъ ригористически-настроенный и нравственно-последовательный могъ созерцать въ дохристіанской исторіи „только тѣни и грѣхъ“. Что касается главнаго различія двухъ системъ—относительно одушевленной, личной матеріи и 3-хъ началъ, то собственно и у Маркіона имѣли мѣсто всѣ эти три начала съ тѣмъ только различіемъ, что онъ отбѣнялъ преимущественно дуалистическую борьбу въ христіанской исторіи между благимъ и праведнымъ богомъ. Въ концѣ концовъ остается лишь одно важное отличие системы Маркіона по Езнику отъ той же системы по древнимъ источникамъ—это превращеніе матеріи изъ инертнаго въ живое дѣятельное начало. За то мы имѣемъ много тождественныхъ чертъ въ ученіи Маркіона по Езнику и по древнимъ источникамъ, напр. въ противоположеніи двухъ завѣтовъ, въ ученіи о воскресеніи лишь духа, о многократномъ крещеніи, предоставленіи права крестить и женщинамъ и т. п.

Въ виду сказаннаго, мы присоединяемся къ заключенію Гарнака ²⁾ о Маркіоновской системѣ по Езнику: „Немногія стороны, по которымъ пытается дать Езникъ очеркъ маркіонитской системы,—въ дѣйствительности весьма цѣнные источники для установленія, правда, не прямого ученія самого главы, но одной вѣтви его школы, которая вѣрнѣе сохранила первоначальныя мысли Маркіона, чѣмъ маркіониты Сиріи и Персіи“.—Между тѣмъ признаніе тѣснаго родства между двумя системами является новымъ и сильнымъ дока-

¹⁾ Zur Geschichte d. mark. Kirchen (Zeitschrift f. w. Theologie. 1876, S. 95).

²⁾ Ibidem, S. 85.

зательствомъ гностической природы и характера системы Маркіона. „Всегда сомнѣвались, говорить Мидъ¹⁾, нужно ли относить Маркіона къ гностикамъ, однако теперь благодаря сочиненію Евника (или Евнига) сомнѣніе устраняется“.

М. Посновъ

---

¹⁾ G. R. S. Mead. *Fragments of a fait forgotten*, p. 246 — *W. Meiser. Geschichte der Kosmogonie*. S. 378. Ср. G. Salmon. *A Dictionary Smith*, III, p. 821.